

Как христианский философ Чаадаев призывает вместе с тем учесть опыт Европы, в которой «люди искали истину и попутно находили свободу и благоденствие». Истину же он видел в нравственном совершенствовании, к которому христианство и призывает. Завет Чаадаева в этом смысле простой: христианство надо понимать не как моральный кодекс, превращенный в религию, а как своего рода программу социального поведения, побеждающего в человеке животное начало, возвышая его духовно-нравственное начало.

В заключение вернемся в наше время. Еще недавно мы были в ситуации схожей с чаадаевской Россией. После крушения социалистического строя Россия оказалась перед выбором путей

дальнейшего развития. В наличии был тупик: отставание от Запада, отсутствие устойчивости, призыв к покаянию, обвал самоуничтожения и все тот же двуглавый орел, смотрящий на Запад и на Восток. И в очередной раз Россия, как птица Феникс, возрождаясь из пепла, нашла свой путь восходящего развития. И сейчас, вспоминая Чаадаева, мы должны сказать, что у России были, есть и будут такие диссиденты, философы-провидцы, которые могут сказать, как он: «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю унижать ее – только не обманывать» (Там же. С.469).

О.Б. Ионайтис

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН: ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ПОИСК СЕБЯ

Ионайтис Ольга Борисовна
доктор философских наук, профессор
кафедры истории философии УрГУ,
член-корреспондент РАЕН

Во второй половине XVIII века все большую популярность в России приобретает путешествие. Путешествие по Европе – логичное завершение образования и важная веха самообразования, обязательный обряд для вхождения в интеллектуальное сообщество современников, идеальный стиль жизни философа. В это время путешествовали много и многие. Европа, пожалуй, впервые увидела столько русских на своих улицах, в своих библиотеках и университетах, в художественных салонах, на философских и политических диспутах. Среди многочисленных путешественников был и тот, чье имя нам хорошо знакомо – Николай Михайлович Карамзин. Он не только путешествовал, но и оставил воспоминания своих встреч и раздумий в пути.

«Письма русского путешественника» (1790–1801) Н. М. Карамзина являются важной вехой не только в истории развития русской литературы, но и общественной мысли России конца XVIII столетия.

Впервые «Письма русского путешественника» появились в «Московском журнале» (1791–1792) и «Аглаи» (М., 1794–1795). «Письма русского путешественника» сразу же вызвали интерес и живые отклики современников.

В них мы можем видеть палитру философских дискуссий как в России, так и в Европе второй половины XVIII века. В «Письмах русского путешественника» ставится вопрос о традициях, ориентациях русской культуры – Восток или Запад, об отношениях русской мысли к европейской. Путешествуя по Европе, разбираясь в переплетении европейской истории и философской мысли, Н. М. Карамзин искал место России. Этим объясняется многое в его сочинении. Но вместе с решением вопроса об идентификации отечественной культуры, Н. М. Карамзин стремился определиться и сам. Причем, процесс этот был достаточно своеобразен и отражал характер эпохи, в которой жил автор. М. Ю. Лотман и Б. А. Успенский живописно характеризуют «литературную и общественную позу» Н. М. Карамзина: «Творя литературу, Карамзин творил самого себя, и поза для него становилась необходимым условием амплуа писателя... Литературная поза Карамзина как автора «Писем русского путешественника» двоилась в расчете на два различных типа аудитории. В России, перед русским читателем, Карамзин предстал в утрированной роли «европейца». В этом случае он не боялся произвести шокирующее впечатление, скорее даже стремился к этому... Восприятие современниками молодого издателя «Московского журнала» как «нового человека» и «европейца» входило в эту «игру» и составляло условие

общественного резонанса для той деятельности реформатора, к которой Карамзин готовился. Однако в кругу своих европейских знакомцев Карамзин играл подчеркнуто роль «русского», резко отзываясь о тех своих соплеменниках, которые за границей стремятся походить на иностранцев. ...его поведение в кругу иностранцев строилось по модели: «юный Анахарсис в Афинах». Однако, принимая позу скифа-искателя мудрости, он стремился поразить собеседников не простодушием, а обширностью и глубиной познаний, свидетельствуя тем самым о высоте уровня русского Просвещения. Выступая в Москве как проповедник, владеющий истиной, строгий судья и ценитель, Карамзин в кругу европейских ученых стилизует себя как посланца юной цивилизации, ищущего истину в кругу просвещенных мудрецов. Поза мнимого смирения, сопровождаемая демонстрацией энциклопедических знаний... должна была подтверждать общие успехи молодой России на пути просвещения и личные успехи выдающегося «московитянина». ...читатель мог взглянуть на Карамзина-автора и «из Москвы», и «из Парижа»» (Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Письма русского путешественника Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 527). Но есть и еще один аспект «позы» Н. М. Карамзина, а именно: для Карамзина Европа не противостоит России, Россия есть часть Европы. Н. М. Карамзин считает, что путь прогресса един для всего человечества, и по этому пути Россия и Европа идут в одном направлении.

Дух времени отразился и в том, что, по мнению Н. М. Карамзина, литература и жизнь должны слиться воедино: жизнь должна стать темой для литературы, а сквозь литературное повествование должна просматриваться жизнь во всех своих нюансах и деталях. Более того, Карамзин считал, что литература есть средство цивилизации читателя, приобщения его к прогрессу. Прогресс Карамзин понимал не только как прогресс науки

и техники, но, и это главное, как прогресс мысли, как постепенное совершенствование «ума и сердца», душевного мира человека. На этот истинный путь прогресса Россия вступила в результате реформ Петра Великого. Для Карамзина «...тонкость чувств, нежность сердца, гуманность не только идей, но и эмоций делались мерилем цивилизованности общества, и их выражение становилось первейшей задачей литературы. Душевная же тонкость ассоциировалась со способностью к различению оттенков чувств (именно требование различения степеней и оттенков значений – критерия цивилизованности – выдвигало установку на «вкус», столь характерную впоследствии для карамзинистов)» (Там же. С. 528). Описывая современные реалии европейского прогресса, Карамзин считал, что он станут реалиями прогресса завтрашнего дня России.

Россия вписывается Карамзиным в общие законы исторического процесса, в ней действуют те же законы, что характерны и для развития других культур. Так он пишет: «...гений живет во всех климатах, и в России также есть люди с дарованием. Они достаточно скромны, чтобы не оспаривать пальмы признания у французских или немецких литераторов, но, читая их бессмертные творения, они могут сказать себе: «И мы художники!». Да, повсюду природа велика и возвышенна; повсюду она поражает наше сердце, приводя в движение тот первоисточник чувствительности, который равно обитает в сердце дикаря и Ж.-Ж. Руссо; повсюду есть люди, одаренные ею в превосходной степени, которые более других внимательны к феноменам мира физического и нравственного, в которых этот мир вызывает впечатления более живые и более глубокие и которые выражают эти впечатления с большей энергией и с большими оттенками. Таков источник всех талантов, в особенности же талантов поэтических, которые процветали среди русских задолго до Петра Великого» (Карамзин Н. М. Письмо в «Зритель» о русской литературе // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 449).

Вообще, рассуждает Н. М. Карамзин, Европа для русского уже хорошо знакома. Русский путешественник странствует по ней с книгой в руках, сравнивает окружающую реальность с тем, о чем он читал. Созерцая современную Европу, русский путешественник сравнивает ее с произведениями искусства прошлого, с историческими сведениями.

Рассматривая культуру европейских стран, достижения французов, англичан, немцев, выделяя их своеобразие и оригинальность, Н. М. Карамзин подчеркивает, с одной стороны, что они есть часть целого, а с другой стороны – указывает на то, что у каждой культуры свой путь к цивилизации Европы. Аналогичная ситуация и с Россией – она часть Европы, но имеющая свои традиции, «свое лицо» и свой путь в европейской истории. Для Карамзина

не столь важно выявление различий, сколько нахождение единства цивилизации, проявляющегося сквозь оригинальность составляющих ее частей.

Размышляя о европейском прогрессе, Н. М. Карамзин выделял две характеристики, его определяющие: духовное развитие человеческой личности, которое символизировало развитие наук, искусств; социальный прогресс, который отражался в просвещении народа, в расширяющихся границах свободы личности в государстве. Для Карамзина прогресс – это одновременное развитие духовной культуры и усовершенствование ее материально-бытовой стороны. В этом направлении, по мнению Карамзина, действовал Петр Великий: «Избрать во всем лучшее есть действие ума просвещенного; а Петр Великий хотел просветить ум во всех отношениях. Монарх объявил войну нашим старинным обыкновениям во первых для того, что они были грубы, недостойны своего века; во вторых и для того, что они препятствовали ведению других, важнейших и полезнейших иностранных новостей. Надлежало, так сказать, свернуть голову закоренелому русскому упрямству, чтобы сделать нас гибкими, способными учиться и перенимать... Немцы, французы, англичане, были впереди русских по крайней мере шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. Л., 1984. С. 253–254).

Прогресс для Н. М. Карамзина основан на общечеловеческих ценностях и идеалах. Он пишет, говоря о просвещении России Петром Великим: «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских; и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды для человека, то мое, ибо я человек!» (Там же. С. 254). Карамзин указывает, что «...человек рожден к общежитию и дружбе» (Там же. С. 34). И прогрессивное развитие обоих этих качеств является важнейшим показателем истинной эволюции. В связи с этими размышлениями, Карамзин обращает взор свой на семейную жизнь как показатель истинного, внутреннего просвещения. Путешествуя по разным странам, он пишет, уделяя этой теме особое внимание: «Я всегда думал, что дальнейшие успехи просвещения должны более привязать людей к домашней жизни. Не пустота ли душевная вовлекает нас в рассеяние? Первое дело истинной Философии есть обратить человека к неизменным удовольствиям Натуры. Когда голова и сердце заняты дома приятным образом; когда в руке книга, подле милая жена, вокруг прекрасные дети, захочется ли ехать на бал, или на большой ужин?... Вольтер в конце своего остроумного и безобразного романа говорит: *друзья! пойдём работать в саду!* – слова, которые часто отзываются в душе моей после утомительного размышления о тайне рока и счастья. Можно еще промолвить: «пойдем любить своих домашних, родственников и друзей; а прочее

оставим на произвол судьбы! ...видя, как они (англичане. – *О. И.*) умеют наслаждаться семейным счастьем, твержу сто раз: *Англичане просвещены!*» (Там же. С. 266–267).

Исторически развиваясь, общество приходит к осознанию необходимости гражданских прав и свобод. При этом необходимым моментом является идеал, который может быть и самым далеким, но самим своим светом направлять общество к позитивным целям: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан;... Утопия будет всегда мечтою доброго сердца, или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверяются, что для собственного счастья добродетель необходима, тогда настанет век златой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот. Предадим, друзья мои, предадим себя во власть Провидению: Оно конечно имеет Свой план; в Его руке сердца Государей...» (Там же. С. 226–227). Приветствуя идеалы свободы, Карамзин сочетал их с уверенностью, что самодержавие есть лучшая форма правления.

Рассуждая о переменах, которые принесла Французская революция, Н. М. Карамзин пишет: «Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены и живут тихо. Французская Монархия производила великих Государей, великих Министров, великих людей в разных родах; под ея мирною сению возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цветами приятностей; бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком... Но дерзкие подняли секиру на священное дерево, говоря: мы лучше сделаем! Новые Республиканцы с порочными сердцами! разверните Плутарха, и вы услышите от древнего, величайшего, добродетельного Республиканца Катона, что безначалие хуже всякой власти!» (Там же. С. 227–228). Карамзин осуждает хаос революции.

В своих «Письмах русского путешественника» автор описывает встречи с известными мыслителями своего времени: Николаи, Штарком, Кантом и Виландом. При этом Карамзин дает свое понимание философии и философа, подчеркивая, что неизменной чертой мыслителя должна быть терпимость к другим мнениям, отличным от его собственных. В этом заключается истинное просвещение, которое должно противостоять ханжеству и заблуждениям: «Где искать терпимости, если самые Философы, самые просветители – а они так себя называют – оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они? Тот есть для меня истинный Философ, кто со всеми может ужиться в мире; кто любит и несогласных с его образом мыслей. Должно показывать

заблуждения разума человеческого с благородными жаром, но без злобы» (Там же. С. 38). В этом отношении показателен, по мнению самого Н. М. Карамзина, пример встречи с И. Кантом. Автор «Писем русского путешественника» описывает свою трехчасовую беседу с великим немецким мыслителем и постоянно восторгается широте мировоззрения философа. Карамзин неоднократно подчеркивает лояльность Канта к инакомыслию, к другой точке зрения. Это, по мнению Н. М. Карамзина, показывает нам И. Канта как истинно просвещенного человека.

Если мы посмотрим на все творчество Н. М. Карамзина, то можем отметить символичность его пути: от «Писем русского путешественника» к «Истории государства Российского». Карамзин начал с того, что показал русскому читателю Европу и видение прогресса, а закончил тем, что открыл тому же читателю Россию и ее историю. Как метко было отмечено: ««Письма русского путешественника» были путешествием в будущее, «История государства Российского» – в прошлое» (Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Указ. соч. С. 533).

Путешествие для Карамзина – это познание Природы, Человека, Общества, познание полное, истинное и ни с чем не сравнимое по глубине влияния на сердце и разум путешествующего: «Приятно, весело, друзья мои, переезжать из одной земли в другую, видеть новые предметы, с которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцененную свободу человека, по которой он подлинно может назваться царем земного творения» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 93). И восклицает: «Одним словом, друзья мои, путешествие питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй, гипохондрик, чтобы исцелиться от своей гипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!» (Там же. С. 94). Карамзин одновременно путешествует по современности и по историческому пространству человечества.

Но, пожалуй, самое интересное для Карамзина путешествие – русская история. Он пишет: «Говорят, что наша История сама по себе менее других

занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только для Русских, но и чужестранцев... У нас был свой Карл Великий: Владимир – свой Людовик XI: Царь Иоанн – свой Кромвель: Годунов – и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей Истории, и даже в Истории человечества... (Там же. С. 252–253).

Да, любое путешествие во времени и пространстве для Карамзина – самое интересное и захватывающее занятие, дающее возможности и для размышления и для литературного творчества. Страны, народы, традиции – все вызывает в нем живое участие. Воспоминания о путешествиях, как думает Карамзин, будут согреть его душу всю жизнь. Но все же, в последнем разделе своих «Писем русского путешественника» он восклицает, видя берега Родины: «Берег! Отечество! Благословляю вас! Я в России, и через несколько дней буду с вами, друзья мои!».. Всех останавливаю, спрашиваю единственно для того, что бы говорить по-русски и слышать русских людей» (Там же. С. 388). И все величие мира, европейской цивилизации меркнет перед любовью к Родине. И в этом моменте счастья от любви, переполняющей все сердце человека, он и познает смысл своей жизни, своего предназначения – служение Родине и Богу.

И куда бы он ни направил пути самопознания – в прошлое («История государства Российского») или настоящее («Письма русского путешественника»), вера в великое будущее России постоянно воспевается Н. М. Карамзиным:

О россы! век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень.

Исчезла ночи мгла – уже Авроры свет

В <Москве> блестит, и скоро все народы

На север притекут светильник возжигать...

(Карамзин Н. М. Поэзия // Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. М., 1989. С. 63).

ВЛ.С. СОЛОВЬЕВ И П.Е. АСТАФЬЕВ: ДВА ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.

В.Е. Фомин

Фомин Вадим Евгеньевич
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии Барнаульского
государственного педагогического университета
(г. Барнаул)

В современных историко-философских исследованиях, посвященных отечественной философской мысли, утвердилось клише исключительной иррациональности русской мысли. Возможно, здесь сказывается эйфория от осознания феномена самобытности русской